

ПРАВОВЫЕ РЕФОРМЫ В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Мусаева А.Г.

ГАОУ ВПО Дагестанский государственный институт народного хозяйства (367008, Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Д. Атаева, 5), e-mail: dginh@dginh.ru

Статья посвящена изучению вопросов, связанных с правовыми реформами Дагестана во второй половине XIX века. Эти вопросы всегда находились в центре пристального внимания учёных. Она подразумевает изучение комплекса вопросов, связанных с государственно-политическим устройством на территории Дагестана в первой половине XIX в., правовой системой Дагестана в целом на протяжении всего рассматриваемого века, административно-судебными реформами второй половины XIX в. Относительно правовых реформ, в частности судебных, приступая к ним, царское правительство решило, исходя из своих колониальных интересов и задач, ввести во всем Дагестане судопроизводство, основанное главным образом на адате и частично на шариате, с соблюдением трех неперемennых условий: подчиненность и подотчетность судебных органов военной администрации, охранение интересов государства и социальной верхушки и исключение из судопроизводства наиболее консервативных норм. Поэтому царская администрация провела работу по сбору и постепенной унификации адатов сельских общин и вольных обществ Дагестана. Эта работа была начата еще раньше, в 20-х годах XIX в., и прекратилась в связи с военными событиями на Кавказе.

Ключевые слова: Дагестан, горцы, судопроизводство, правовые реформы, судебная реформа, патриархально-родовые устои, шариат, общественно-экономическая и культурная жизнь дагестанских народов, унификации адатов сельских общин и вольных обществ.

LEGAL REFORM IN DAGESTAN IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Musaeva A.G.

Dagestan state Institute of national economy (367008 Russian Federation, Republic of Dagestan, Makhachkala, st. D. Ataev, 5), e-mail: dginh@dginh.ru

The article is devoted to the study of issues related to legal reforms of Dagestan in the second half of the nineteenth century. These issues have always been in the center of attention of scientists. It involves the study of the complex issues associated with public-political situation in the territory of Dagestan in the first half of the nineteenth century, the legal system of Dagestan in General over the entire century, administrative and judicial reforms in the second half of the nineteenth century. Regarding legal reforms, in particular of judicial reforms, starting to judicial reform, the tsarist government decided, on the basis of their colonial interests and objectives, to enter in the whole of Dagestan, proceedings, based mostly on the ADAT and partly on the Shariah compliance with the three essential conditions: the subordination and accountability of the judiciary military administration, the protection of interests of the state and the social elite and exclusion from the proceedings of the most conservative standards. Therefore, the tsarist administration has worked to collect, and the gradual unification of ADAT rural communities and voluntary societies of Dagestan. This work was started even earlier, in the 20-ies of the XIX century, and ceased in connection with military events in the Caucasus.

Keywords: Dagestan, mountaineers, litigation, legal reform, judicial reform, Patriarchal-patrimonial foundations of the Shari'a, socio-economic and cultural life of the Dagestani peoples, unification of customs of rural communities and the voluntary societies .

Гюлистанский мирный договор 1813 года между Россией и Персией юридически закрепил включение Дагестана в состав России. Этот факт огромной исторической значимости явился результатом всего предшествующего многовекового развития русско-дагестанских отношений.

Присоединение Дагестана к России, несмотря на упорное сопротивление этому процессу народов Северного Кавказа и Дагестана, в частности национально-освободительного движения народов Северного Кавказа 1820-1859 гг., имело объективно-

прогрессивные последствия в общественно-экономической и культурной жизни дагестанских народов, связавших свою историческую перспективу с русским народом. [2.С.56]

Вовлечение народов Дагестана в сферу социально-экономической жизни единого централизованного государства подрывало патриархально-родовые устои, разрушало феодальные формы хозяйства, способствовало оживлению торговли, улучшению земледелия и скотоводства, строительству и улучшению дорог, мостов и т.д.

Относительно правовых реформ, в частности судебных, приступая к ним, царское правительство решило, исходя из своих колониальных интересов и задач, ввести во всем Дагестане судопроизводство, основанное главным образом на адате и частично на шариате, с соблюдением трех непеременимых условий: подчиненность и подотчетность судебных органов военной администрации, охранение интересов государства и социальной верхушки и исключение из судопроизводства наиболее консервативных норм. Поэтому царская администрация провела работу по сбору и постепенной унификации адатов сельских общин и вольных обществ Дагестана. Эта работа была начата еще раньше, в 20-х годах XIX в., и прекратилась в связи с военными событиями на Кавказе [11]. На сегодняшний день до нас дошли адаты Каратинского наибства (значительно унифицированные) [6. С. 143-151], свод адатов Цекоба [15. С. 93, 119], Гидатлинские адаты [9], которые служат важнейшим источником по исследованию особенностей социально-экономического развития, общественно-бытовой и семейно-бытовой структуры общества Дагестана.

Апелляционной инстанцией для сельских судов был окружной суд, а для последнего – Дагестанский народный суд, который состоял из председателя (назначенного командующим войсками области с утверждением главнокомандующего Кавказской армии), членов суда (выходцев из социальной верхушки) и кадия. Председателем окружного суда был начальник округа или его заместитель. Сельский суд состоял из судьи (судей), его (их) помощников и кадия.

В окружной суд судью и его помощников избирало население. Сначала выдвигались избиратели (по два человека от 50 хозяйств, вскоре один человек от 100 хозяйств), а те уже выбирали судью и помощников [1]. Избирали чаще всего представителей высших сословий, духовенства, имущих слоев населения. Дела в окружном суде надолго залеживались не рассматриваясь. Это положение на наглядных примерах демонстрируют Н.М. Агишев и Н.Д. Бушуев, исследовавшие материалы горских словесных судов [5.С.29]. Жалобы и решения по ним в рукописном виде излагались в двух вариантах: на аварском языке и в переводе на русский. В окружном суде разбирались дела об убийствах, ранениях, похищениях женщин, прелюбодеяниях, грабежах и насилиях, о спорных земельных вопросах. Кадии окружного

суда (их могло быть 2-3 человека) давали консультации по вопросам семейно-бытовым и наследственным [2].

Итак, как справедливо отмечает И.Б. Гвазава, в народных судах рельефно выступают три элемента: народный, духовный и военно-административный [8.С.10]. Сельский суд мог принять к разбирательству следующие дела: о купле-продаже, о захвате имущества (до 100 рублей), о воровстве, обмане, утайке (до 30 рублей). Кроме перечисленных вопросов и дел, сельский суд принимал решение по наказанию нарушителей общественного порядка, за ссору, драку, мелкое воровство, неисполнение постановлений суда и т.д. [3]. Меры наказания «тамикле», выносимые сельским судом, предусматривались «Положением». Чаще всего за всякого рода провинности накладывались натуральные, реже – денежные штрафы «glakla» в пользу общества – размером до 3 рублей. За причинение кому-либо материального ущерба, убытка, требовалось возмещение убытков «зара» и штраф в пользу общества. Кроме штрафа, виновный «глебукьодаве» мог быть наказан принудительными работами в пользу общества до 6 дней или арестом до 7 дней [3]. Дела к рассмотрению принимались лишь касающиеся члена сельского общества или постороннего, пребывавшего в момент правонарушения на данной территории. Обвинение выдвигалось только против одного лица, подозрение же в различных обществах могло возводиться поочередно на двух трех лиц. Во второй половине XIX в., в условиях все большего ослабления кровнородственных связей, суд все чаще прибегает к услугам свидетелей «ахьи». Свидетель выступал на суде добровольно и за отказ от показаний никакой ответственности не нес. Не подвергалось судебному преследованию и лицо, не предотвратившее преступление своим вмешательством. Из двух свидетельских показаний большим весом по адату обладало показание того, кто жил ближе к дому обвиняемого.

За любую драку на виновных налагался штраф. В Лологонитле затеявший драку штрафовался на одну овцу, в Тад-Магитле – на два котла из меди. По Цекобским адатам, зачинщика драки наказывали штрафом на овцу, за удар палкой, камнем, даже в ответ на удар кулаком – в две овцы, за участие на стороне избивающего – в две овцы [15. С.96] и др. По адатам Гидатля, за избивание человека виновный штрафовался быком [9. С.19].

Большой процент преступлений падал на поранения (ранить, подстрелить – «бухьорульа»). Виновный в поранении, кроме издержек на лечение пострадавшему, штрафовался ещё значительной суммой в пользу общества. Так, по адатам селения Лологонитль, виновный в чем-либо тяжелом поранении платил пострадавшему половину дията (искупленные платежи за убийство) и быка обществу, а за повреждение какого-либо члена, т.е. за увечье «гелльилорульа» – десять овец пострадавшему и пять обществу. В адатах Каратинского наибства, адатах гидатлинского союза обществ детально расписано, какой

штраф в пользу больного и в пользу общества выплачивает виновный за повреждение пальцев рук, ног, уха, глаза, конечности и т.д.[9.С.143].

Значительное место в деятельности судебных органов отводилось делам о воровстве (вор – «мишуга»). Призванные охранять собственность общинников, нормы обычного права подробно рассматривали такие дела: почти на любой случай по воровству существовал особый адат.

Традиции родового общества были очень живучи в Дагестане. Это выразилось, в частности, в сохранении в рассматриваемое время отголосков былой коллективной собственности на землю (пахоту, сенокос), о чем говорят факты распространенности у горцев, как и во всем Дагестане, права преэманции (предпочтительное право при покупке участка) или ретракта (соседское право) [13.С.175]. Согласно ему, продающий участок должен был предложить его сначала прежнему хозяину, своему родственнику или соседу, затем любому члену общины. Продажа участка за пределами общины не допускалась. Сельская администрация, опираясь на адат, зорко следила за тем, чтобы земельный фонд общины не преуменьшался, и запрещала в судебном порядке подобные сделки [13.С.176]. Более того, детально конкретизированные адаты нередко запрещали продажу в другое селение кормов, взятие из другого джамаата скотины на содержание и т.д. Адаты, запрещающие продажу угодий за пределы общества, были у изанинцев, кудиябросинцев, тадмагитльцев, лологонитлинцев. Например, нарушителя этого адата в Кудияб-Росо ожидал штраф в одну овцу и по одной овце за каждый день, пока покупка не будет возвращена. Цекобские адаты наказывали провинившегося, штрафуя его на быка за каждый день до расторжения сделки. Если цекобец продавал хучадинцу сено, мякину или брал у него скот на содержание в селение или на хуторе, то его ждал штраф – четырехгодовалый бык в пользу общества. Наверное, этими мерами цекобцы хотели принудить хучадинцев арендовать цекобские пастбища. Бытование перечисленных норм обычного права весьма характерно для общины, рассматривавшей себя как самостоятельную и обособленную единицу. Эта обособленность в ряде случаев демонстративно подчеркивалась нормами обычного права. По нашим полевым материалам цекобец наказывался штрафом в одну овцу за вмешательство в скандал «питина» или драку людей другого общества или за попытку искать правосудие у влиятельных лиц джамаата. По гидатлинским адатам, за такую же провинность виновный штрафовался быком [9.С.23]. За совершение пятничной молитвы в мечети Тад-Магитлсхудоколинцы, считавшейся частью джамаата Кудияб-Росо, наказывались старейшинами последнего штрафом. Вторая половина XIX в. характеризуется резким увеличением числа денежных штрафов. Если администрация затруднялась привести соответствующую норму адата, виновный наказывался штрафом в 3 рубля. Штрафные

суммы, выплачиваемые в пользу общества, давали в руки администрации значительные средства [7.С.27.]. Одним из распространенных видов судебного разбирательства, ограждавшего судей от недовольства сторон, было судопроизводство, основанное на присяге. Прибегали к нему ахвахцы в случаях, предусмотренных адатами, а также при затруднениях и сомнениях в установлении виновности обвиняемого. Отрицающему вину, подозреваемому или возводящему обвинение истцу предлагали принести присягу именем бога и пророка; в суде вместе с ним принимало присягу и определенное число соприсяжников, число которых зависело от важности рассматриваемого дела (от 1-2 до 50). В соприсяжники обвинения входили близкие родственники истца, в соприсяжники очищения по усмотрению старейшин и обвиняющей стороны могли входить в одних случаях родственники ответчика, в других – авторитетные односельчане. Если из пятидесяти соприсяжников трое, а из двенадцати и менее – по одному отказывались от присяги, дело этой стороной считалось проигранным. Об этом свидетельствуют, в частности, и наши полевые материалы. Обратимся, однако, к опубликованным сводам норм обычного права [15.С.94]. По адатам селения Цекоба, для очистительной присяги требовалась клятва в невиновности подозреваемого и некоторого числа соприсяжников: по делам о клевете – два человека (один из них – не родственник подозреваемого), столько же – по подозрению в доносе в другой джамаат; по подозрению в воровстве овец – по одному соприсяжнику за каждую овцу, коровы – пять, быка – семь, коня – пятнадцать человек. Столько же (пятнадцать человек) соприсяжников требовалось по подозрению в убийстве (если человек скончался от ран), в прелюбодеянии. Подозрение в убийстве, по адатам Каратинского наибства, требовало очищение с пятнадцатью родственниками, в оскорблении женщины – с пятнадцатью, незаконном зачатии ребенка – с одиннадцатью или с шестью, в воровстве из дома – с шестью, в воровстве лошади или быка – с шестью, коровы – с пятью, баранов – с двумя за каждого барана [6.С.143-149]. По адатам Гидатлинского союза требовалась очистительная присяга с родственниками: по делам об убийстве – с пятнадцатью, столько же – по делам о поджогах, по три соприсяжника требовалось по делам о кражах, потравах, изнасиловании, клевете [9.С. 25] и т.д.

Дагестанские горцы прибегали в судах к разновидности клятвы, известной как «хатун-таллах». Суть такой клятвы заключалась в том, что давший ее и изобличенный в обмане должен был развестись с женой, уплатив ей все, что положено при разводах.

Поспешность в принятии подобной присяги могла развалить семьи и вызвать враждебные отношения между семьями, тухумами. Поэтому члены сельского управления следили за тем, чтобы подобная присяга давалась лишь в предусмотренных адатом ситуациях. Самовольно дающий такую присягу у цекобцев наказывалась штрафом в овцу.

Адат разрешал давать присягу женой в делах по убийству, прелюбодеяниям, воровству и избиванию старейшины [15.С. 96-97]. Судом по присяге могли решаться дела только между частными лицами, но и между обществами. Нормы обычного права предусматривали определенные наказания за клятвопреступления. Резко осуждало их и общественное мнение. Однако сам факт наличия подобных адатных установлений и ставка в общественное мнение уже говорят о том, что ложная клятва была явлением не столь уж редким. «Обстоятельство, что клятва была альфой и омегой всего судопроизводства, - пишет А. Дирр – вело к злоупотреблению и тем самым к упадку всего судебного устройства» [10].

Основной формой наказания правонарушителя, как уже указывалось, были имущественные и денежные штрафы. Как пишет А.С. Омаров: «Формой общественного наказания за причиненный ущерб имуществу или личности <...> оставались имущественные платежи»[11.С.256]. Система композиций – явление, характерное для большинства народов Кавказа. Возникла система, очевидно, в период разложения первобытнообщинного строя и понятно поэтому, что натуральная композиция предшествовала денежной. Последняя стала преобладать лишь со второй половины XIX в.: не случайно М. О. Косвен называл ее «полным и точным выражением господствующего экономического строя» [12.С.56].

Рядовой горец не столько боялся суда старейшин, как осуждения общественным мнением. В повседневной жизни, в своем поведении в семейном кругу, в кругу родственников, друзей, односельчан постоянно ориентировался на общественное мнение. Кроме молчаливого порицания недостойных поступков, община, коллектив могли наградить нерадивого члена общества обидным прозвищем, сложить на него обидные куплеты – это было самым страшным наказанием для горца [15.С.96]. Словом, общественное мнение было внушительной силой, регулирующей повседневный быт общества и поведение каждого из его членов.

Итак, в судопроизводстве горцев значительный вес имело влияние патриархальных обычаев. Иначе и не могло быть в обществе, находящегося на ранних этапах развития феодальных отношений. Судебные органы были призваны охранять интересы официальной администрации и местной имущей верхушки.

Живучесть патриархальных пережитков, переплетавшихся в общественной жизни горцев с элементами феодальных отношений, влияние ислама и наличие общинных традиций коллективизма предопределили одновременное функционирование у них различных систем судов: сельско-адатного, шариатского и посреднического (медиаторского, третейского).

Относительная хозяйственно-экономическая самостоятельность обществ и их слабо выраженная зависимость от феодальной власти способствовали тому, что отдельные общины

имели свои, узколокальные своды обычно-правовых норм. Система адатского сельского суда, унаследованная в своей основе от более ранних этапов развития общества, была призвана защищать интересы общинников. Усиление имущественной дифференциации членов общества и развитие феодальных отношений привели к тому, что сословно-классовая сущность адата стала проступать все более отчетливо и рельефней.

Судоустройство и судопроизводство горцев в основных своих формах и положениях было сходно с соответственными органами и их функциями других народностей Дагестана: аварцев, народностей аварской группы, даргинцев, лакцев, народностей Южного Дагестана, кумыков.

Проводя судебно-административные реформы, царское правительство не до конца доверяло сельскому суду и членам управления, строго следило за их деятельностью и держало их под контролем. Приняв во внимание традиционную гибкость адата, новая администрация умело использовала это его качество. «Допуская применение норм адата, царизм предоставил кавказской администрации самые широкие полномочия по ограничению и изменению обычно-правовых норм в соответствии с интересами колониальной политики» – пишет А.С. Омаров [14.С.36]. За время действия системы «военно-народного» управления происходили отдельные несущественные изменения в суде и судопроизводстве, но указанные выше цели и задачи суда, какими их видела администрация, не изменилось. Так, в специальной инструкции от 4 декабря 1912 года канцелярией наместника на Кавказе предписывалось начальниками участков Дагестанской области сохранение сложившегося порядка судоустройства и судопроизводства.

Список литературы

1. Агишев Н.М., Бушуев Н.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912.
2. Адаты Каратинского наибства // Памятники обычного права Дагестана.//Х.-М.О. Хашаева материалы архива грузинской ССРСР были подготовлены для введения в действие к 1900г.
3. Азизова П.М. Классификация письменных источников к вопросу исследования социально-экономического развития и политического устройства Каралал//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 11-1. С. 163-165.
4. Всеподданнейший отчет за 8 лет управления Кавказом генерал-адъютант графа Воронцова – Дашкакова. СПб, 1913.

5. Гвазава И.Б. Народные суды. 1909: Доклад, читаный в Кавказском юридическом обществе 30 января 1909 г.
6. Гидатлинские адаты. Под редакцией Х.-М. О. Хашаева, М. С. Саидова. Махачкала, 1957.
7. Дирр А. Об обычном праве Кавказских горцев: Пер. с немецкого // РФ ИИЯЛ, Ф. I. Оп. I, Д. 368, Л. 13.
8. Из истории права народов Дагестана: (материалы и документы). Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968.
9. Косвен М.О. Этнография Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.
10. Кидирниязов Д.С. Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII-XIX вв. Махачкала, 2010; С45
11. Лугуев С.А. Ахвахцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН. 2008.
12. Магомедов Н.А. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в XVIII-XIX вв. (экономический, политический и культурный аспекты). Махачкала, 2008.
13. Магомедова З.А. Истоки арабо-мусульманской культуры в Дагестане // Исламоведение. 2010. № 4. С. 67-72.
14. Магомедова З.А. Исторические сведения середины XIX в. в письмах наибов Дагестана // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5. С. 40-43.
15. Магомедова З.А. Социально-экономическое развитие Дагестана: реалии и перспективы. // Экономика и социум. 2014. № 2-3 (11). С. 178-181.
16. Мусаева А.Г. Правовые и этически-нравственные способы самоочищения в дагестанском обществе. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-2. С. 75-77.
17. Мусаева А.Г. Социально-экономические причины отходничества в Нагорном Дагестане во второй половине XIX-начале XX веков. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6-1. С. 160-162.
18. Мусаева А.Г. Вопросы социально-экономического развития народов нагорного Дагестана в трудах российских исследователей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 11-1. С. 202-204.
19. Мусаева А.Г. Вопросы формирования и развития системы права и общественных отношений народов Дагестана в работах российских ученых // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-8. С. 1864-1868.

20. Мусаева А.Г. Земледелие как одна из приоритетных областей сельского хозяйства горцев Нагорного Дагестана//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 8. С. 88-89.
21. Мусаева А.Г. Некоторые сведения о союзе вольных общин Нагорного Дагестана – Бакъльулал (Гумбете) В XIX – начале XX В. (историко-правовой аспект)/ Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: www.science-education.ru/120-15762.
22. Мусаева А.Г. Реформирование правовой системы Дагестана в XIX начале XX вв.//Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: www.science-education.ru/119-14989.
23. Мусаева А.Г. Становление и развитие адатно-правовой системы у горских народов Дагестана//Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 10.8.
24. Мусаева А.Г. Характерные черты адатного права у горцев Дагестана//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10-1. С. 243-245.
25. Мусаева А.Г. Традиционные промыслы Нагорного Дагестана после присоединения к России в XIX - начале XX вв.//Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 1 (26). С. 20-24.
26. Мусаева А.Г. Адатно-шариатское управление в Дагестане//Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5; URL: www.science-education.ru/119-15091.
27. Омаров А. С. Судебно-правовая политика царизма в Дагестане.
28. Омарова А.С. Система композиций в обычном праве Дагестана // УЗ ИИЯЛ, В. 16, Махачкала, 1966.
29. Свод решений и обычаев Цекубского сельского общества. //Памятники обычного права Дагестана. XVIII-XIX вв. Подготовленные и составленные Х.-М. О. Хашаевым. М.,1965.
30. ЦГА РД. Ф.2, Оп.2, Д. 3, Л. 70.
31. ЦГА РД. Ф. 2, Оп. I, Д. II, Л. 3.
32. ЦГАРД.Ф. 126. Оп. 2, Д. 15, Л. 5-6.

Рецензенты:

Магомедов Н.А., д.и.н., профессор, заведующий отделом древней и средневековой истории Дагестана ДНЦ РАН ИИАЭ, г. Махачкала;

Кидирниязов Д.С., д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана ДНЦ РАН ИИАЭ, г. Махачкала.